

работников в семье повышает благосостояние ее. Отсюда большее количество рождений в «низших» классах буржуазных государств.

Все написанное проф. Филипченко относительно подбора между супругами (126—132) требует освещения с точки зрения классово-социологической. Прежде всего, автор нигде не говорит относительно значения экономических, материальных отношений и об их влиянии на подбор супругов; нам хорошо известно, как важен в капиталистическом обществе этот момент. Кроме того, нельзя говорить о существующем положении, как о чем-то закономерном и нормальном. Если даже был бы прав автор, подчеркивающий улучшение человеческого рода в среде того или другого класса, путем подбора известных специальных генов, то наша задача—уничтожение этих классовых замыканий через уничтожение самих классов. В то же время весьма сомнительно, чтобы автор был прав в своем утверждении относительно накопления специальных генов в тех или других классах человеческого населения. Ценные с обще-человеческой (биологической) точки зрения гены, конечно, находятся одинаково среди различных классов населения, а может быть, даже больше, среди пролетариата и крестьянства. Во всяком случае, срок, в течение которого отбирались эти «гены» среди, например, интеллигенции России, слишком мал, чтобы новые мутации могли бы укрепиться путем подбора. По крайней мере, живая действительность опровергает утверждения автора о накоплении генов среди лиц, занятых интеллигентным трудом: достаточно указать на

М. Горького—крупнейшего нашего писателя, Ф. Шаляпина, несомненно крупнейшего нашего артиста и музыкальность которого вне всяких сомнений, далее укажем на целый ряд художников, ученых и скульпторов, вышедших из пролетарских и крестьянских слоев, наконец, на целые кадры талантливейших государственных деятелей и организаторов, вышедших после октябрьской революции в России из тех же слоев. Главнейшее значение имеет социальная среда, определяющая собою развитие тех или других прирожденных генов, а гены эти, несомненно, как показывает эмпирический опыт, отнюдь не сосредоточены среди «высших» или «интеллигентных» слоев населения.

Тот же основной недостаток сказывается и в других утверждениях автора—в ряде мест он не принимает во внимание классового строения существующего буржуазного общества—и в вопросе о влиянии культуры на человеческое общество, и в вопросе о вырождении человечества, где не учтены те социальные отношения, которые ведут к победе пролетариата и поражению буржуазии, а стало быть, в корне меняют так называемую проблему вырождения: пролетариат, приходя к власти, принесет огромный запас даже чисто биологический, растраченной буржуазией, вырождающейся хотя бы благодаря отсутствию нормального труда.

Отсутствие определенного социологического подхода лишает и главу о практической евгенике того значения, какое она могла бы иметь. Евгеника, проводимая буржуазно-капиталистическим государством, вещь весьма сомнительная. Вооружившись знанием

законов наследственности, капиталисты не замедлят повернуть эти знания против трудящихся. И не даром автор должен был отграничить себя от западных евгенистов, которые уже говорят о культуре одной расы в противовес другой. Только там, где власть находится в руках трудящихся, евгеника не только безопасное, но и огромной ценности орудие. В социалистическом и коммунистическом строе, несомненно, человек настолько овладеет силами природы, что изменит самую биологическую основу человека, и это будет сделано в интересах всего человечества; в капиталистическом обществе мы не можем на это надеяться, а потому должны воздержаться от тех абсолютных—вне времени и конкретной общественной обстановки — суждений, которые допускает проф. Филипченко.

Если бы эта точка зрения была усвоена автором, он не стал бы ставить вопроса в общей форме и не подчеркивал бы так необходимость сохранения генов буржуазной интеллигенции, тогда как основным вопросом для нас является другое, а именно создание таких условий жизни во всем мире, при которых все трудящиеся были бы поставлены в нормальные условия. Социальная революция, уничтожение буржуазии, торжество трудящихся—вот самая действительная евгеническая мера.

Повторяем, в книге проф. Филипченко много ценного, но тот, кто хотел бы извлечь из нее действительную пользу, должен внимательно отнестись ко второй половине книги, внеся в нее ряд поправок социолого-марксистского характера.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Евгеника — ее возникновение и развитие.

Евгеника и ее отношение к другим дисциплинам. — Ф. Гальтон и его деятельность. — Евгеническое движение в Англии и Америке. — Евгеника в Германии. — Евгенические начинания в других странах.

Евгеника и ее отношение к другим дисциплинам.

В середине прошлого столетия в области биологических наук произошел громадный переворот, вызванный появлением *теории Дарвина*. Последняя заставила коренным образом изменить господствовавшее до того времени представление о природе организмов вообще и человека в частности: все живые существа, рассматривавшиеся до тех пор как нечто постоянное и неизменяемое, были признаны связанными кровным родством в силу их происхождения или эволюции от общих предков. Эта *эволюционная теория* легла в основу всех последующих построений в области биологии и распространила свое влияние далеко за ее пределами даже на такие области знания, как социология, психология, сравнительное языкознание и т. п.

Что касается до самой биологии, то первоначально, под влиянием нового эволюционного учения, происходила полная перестройка отдельных составляющих ее дисциплин в роде систематики, морфологии и других, которым был придан строго эволюционный характер. Несколько позже, уже ближе к началу настоящего столетия, в биологии возникают совершенно новые дисциплины, которые основываются на эволюционной идее в качестве обязательной для них предпосылки и посвящены дальнейшей разработке тех положений, которые были выдвинуты на сцену эволюционной теорией. В качестве примера такой дисциплины можно указать на генетику — физиологию изменчивости и наследственности, как удачно определил ее Бэтсон, посвященную как раз изучению тех двух явлений, которые играли роль краеугольных камней для теории Дарвина. Сюда же можно, наконец, отнести и особую дисциплину, носящую название *евгеники*, которой посвящена настоящая книжка.

Евгеника, как и названия большинства наук, слово греческое и составлено из двух корней: ев — хороший и генос—род. Дословно этот термин может быть переведен как «учение о хорошем роде или хорошем рождении», вообще же ее обычно определяют как *дисциплину, изучающую те влияния, которыми могут быть улучшены врожденные качества будущих поколений человечества.*

Таким образом, это наука не теоретическая, изучающая те или иные общие вопросы, а чисто прикладная, стремящаяся использовать достижения других

дисциплин, особенно упомянутой выше генетики, для одной определенной цели — улучшения качеств будущего человечества. Ее не только главный, но и единственный объект—человек; все другие организмы лежат уже вне поля ее зрения, что в значительной степени удаляет евгенику от многих других более общих биологических дисциплин и приближает, напротив, к так называемым гуманитарным наукам. Однако, благодаря тому особенно важному значению, которое имеют все данные, касающиеся человека, и евгеника стоит в этом отношении не ниже какой-либо другой чисто биологической дисциплины.

По времени своего возникновения евгеника является одной из самых молодых наук и не справил еще своего первого двадцатипятилетнего юбилея. Последнее, впрочем, вполне понятно, раз она в значительной степени основывается на данных эволюционной теории, которая сама стала прочным достижением науки всего шестьдесят с небольшим лет тому назад.

Самого Дарвина интересовал, как известно, главным образом, вопрос об эволюционном происхождении человека, которому он и посвятил специальное исследование под заглавием «Происхождение человека и половой подбор». Однако, на одной из последних страниц этой книги мы находим чрезвычайно интересное место, в котором затрагивается как раз одна из основных проблем евгеники.

«Человек, — говорит Дарвин, — изучает с величайшей заботливостью свойства и родословную своих лошадей, рогатого

скота и собак, прежде чем соединить их в пары; но когда дело касается его собственного брака, он редко или никогда не выражает подобной осмотрительности. Он руководится приблизительно теми же побуждениями, как и низшие животные, оставленные на собственный произвол, хотя он настолько выше их, что придает огромное значение умственным и нравственным достоинствам. Кроме того, его сильно привлекает богатство или общественное положение. А между тем он мог бы способствовать разумным отбором не только развитию физического сложения и наружности своих потомков, но и развитию умственных и нравственных качеств. Оба пола должны были бы воздерживаться от брака, если они в какой-либо резкой степени страдают физическими или умственными недостатками. Но подобные желания относятся к области утопий и никогда не будут даже отчасти осуществлены в действительности до тех пор, пока законы наследственности не сделаются вполне известными. Всякий, кто способствует достижению этой цели, оказывает большую пользу человечеству».

Так мимоходом, в нескольких словах, Дарвин сумел мастерски отметить громадное значение той проблемы, которая стоит перед нами, — проблемы продолжения человеческого рода и улучшения его качеств, при чем

им указываются и два главных пути, ведущие к ее разрешению, именно наследственность и подбор.

Однако, честь быть основателем евгеники выпала на долю не Дарвина, а другого лица, весьма близкого к нему не только по общим интересам, но и по крови — ибо он был его двоюродным братом — именно на долю английского натуралиста *Фрэнсиса Гальтона*.

Фрэнсис Гальтон и его деятельность.

Подобно Дарвину Гальтон не занимал никакого официального положения и, располагая хорошими средствами, мог посвятить всю свою долгую жизнь (1822 — 1911) сперва путешествиям, а затем научным исследованиям. Последние носили довольно разносторонний характер, но больше всего Гальтона интересовали отношения у человека — его различные способности и таланты, а главное, их наследственность. По этим вопросам им было опубликовано большое количество отдельных работ и в том числе большие труды — «Наследственность таланта» (1869 г.—имеется и в русском переводе), «Английский ученый» (1874 г.), «Человеческие способности» (1883 г.), «Наследственность» (1889 г.).

Под влиянием этих исследований у Гальтона вполне сложилась идея того, что было выше названо евгеникой, и самый этот термин был впервые предложен им в его книге о человеческих способностях еще в 1883 году. Устанавливая этот термин, он отмечает, что вообще чрезвычайно желательно иметь специальное название

для учения об улучшении расы, при чем эта дисциплина в приложении к человеку должна стремиться познать все влияния, от которых можно ожидать подобного улучшения.

Однако, в следующие за этим годы Гальтон не писал чего-либо специально по вопросам основанной им новой дисциплины, и лишь после 1900 года, уже на закате своей научной деятельности, он выпустил целый ряд статей, посвященных евгенике и ее обоснованию. Первая из них носит заглавие «Возможное улучшение человеческого рода при существующих условиях закона и чувства», и год ее появления, именно 1901-й, может по справедливости считаться годом возникновения евгеники как самостоятельной дисциплины. За этой статьей последовал и ряд других: «Евгеника — ее цель и задачи», «Ограничения в браке», «Евгеника как фактор религии» и другие, которые собраны и выпущены в 1909 году под заглавием «Этюды по евгенике» и являются одним из лучших источников для ознакомления с вопросами последней.

В этих статьях Гальтон отмечает прежде всего, что мысль улучшить прирожденные качества расы, к чему стремится в конечном итоге евгеника, не представляет решительно ничего невозможного. С незапамятных времен человечество практикует известные ограничения, касающиеся вступления в брак, при чем в основе своей эти мероприятия носят безусловно евгенический характер. Таковы полигамия, т. - е. многоженство, у одних народов, моногамия, или единобрачие, у других, запрещение, а иногда, напротив, поощрение браков